

УДК 355.48

Энгельс Ф.

Военные силы России ¹ Осада Севастополя ² Кампания в Крыму ³

Фридрих Энгельс (1820–1895), немецкий общественный деятель, философ, теоретик политики, публицист, один из основоположников марксизма

Журнал «Пространство и Время» предлагает вниманию читателя три из написанных Ф. Энгельсом в 1854–1855 гг. военных обзоров, освещавших наиболее актуальные для английского читателя аспекты Восточной (Крымской) войны и опубликованных в качестве передовиц в газете Нью Йорк Дейли Трибьюн (New York Daily Tribune).

Ключевые слова: Восточная (Крымская) война, оборона Севастополя, русские войска, войска союзников, оборонительные сооружения.

Военные силы России

Мы вполне можем на время предоставить Джону Булю и Жаку Боному⁴ ликовать по поводу «славной победы» при Альме и предвкушать падение Севастополя. Военные действия на Дунае и в Крыму, как бы много они ни значили для союзников и для лагеря европейского буржуазного либерализма, для России не имеют большого значения. Центр тяжести этой страны никак не может быть затронут исходом этих военных действий, между тем как для союзников поражение в Крыму и вынужденное отступление означали бы длительный перерыв в сухопутных операциях и моральный урон, оправиться от которого они могли бы лишь в результате крайнего напряжения сил.

В последнее время мы получили достоверные сообщения о распределении и последних передвижениях русских войск; пожалуй, стоит свести их воедино, чтобы показать, насколько мала, по сравнению с общим числом русских войск, та часть их, которая уже ведет военные действия, и чего можно еще ожидать от остальной части.

Как известно, русская армия состоит из следующих частей:

I. ГЛАВНАЯ ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

2 корпуса отборных войск – гвардии и гребцов, в составе 76 батальонов, 92 эскадронов 228 орудий, 6 линейных корпусов, в составе 176 эскадронов и 96 орудий.
Всего 376 батальонов, 460 эскадронов, 996 орудий.

II. ОТДЕЛЬНЫЕ КОРПУСА

Финляндский корпус, в составе 12 батальонов.
Оренбургский корпус, в составе 10 батальонов.
Сибирский корпус, в составе 15 батальонов.
Кавказский корпус, в составе 55 батальонов, 10 эскадронов, 180 орудий.
Резерв Кавказского корпуса, в составе 36 батальонов, 2 эскадронов.
Кавказский линейный корпус, в составе 47 батальонов.
Всего 175 батальонов, 12 эскадронов, 180 пушек.

III. КАЗАКИ И ПРОЧИЕ ИРРЕГУЛЯРНЫЕ ВОЙСКА

Около 700 эскадронов, 32 батальона и 224 орудия.

¹ Приводится по: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1958. С. 522–536.

² Приводится по: Там же. С. 537–541.

³ Приводится по: Там же. С. 542–549.

⁴ Джон Буль (John Bull, букв. Джон бык) – литературный персонаж из книги Джона Арбетнота «История Джона Буля» (1712), ставший символом не только типичного англичанина, но и самой Англии; Жак Боном (Jacques le bonhomme, шутл., ирон.) – Жак-добряк или Жак-простак, собирательный образ французского крестьянина (восходит к XIV в., к прозвищу, которым французские феодалы в насмешку называли крестьян, а хронисты – предводителя жакерии – крестьянского восстания 1358 г., – подлинное имя которого было Гильом Кайе). (Прим. ред.).

IV. РЕЗЕРВЫ

Около 50 батальонов внутренней стражи, кроме инвалидов, п штрафных команд – 77.

Резервы главной армии, или 4-й, 5-й и 6-й батальоны гвардии и гренадеров, 5-й и 6-й линейные батальоны, а именно: по три батальона для 24 полков и по два батальона для 72 полков, всего 216 батальонов.

Все эти резервы уже призваны на военную службу и полностью сформированы, настолько, что из последнего набора в 300 000 человек уже начали *формировать 7-й и 8-й батальоны* для каждого полка; следовательно, указанные выше 216 батальонов могут быть включены в общий итог, что даст 726 батальонов, 472 эскадрона регулярной и 700 эскадронов иррегулярной кавалерии и значительно более тысячи орудий. Так как об организации резервов для кавалерии и артиллерии за пределами России мало что известно, то последние не включены в этот итог.

К счастью, этот итог выглядит более грозным, чем есть на самом деле. Чтобы определить численность войск, которыми Россия действительно может располагать для европейской войны, следует вычесть из общей суммы сибирские корпуса, внутреннюю стражу и по крайней мере половину казаков; тогда остается около 650 батальонов, 472 эскадронов регулярной кавалерии, 350 эскадронов иррегулярной и около 1 200 орудий. Эти войска составляют, самое меньшее, 520 000 человек пехоты, 62 000 кавалерии и 30 000 казаков, то есть несколько более 600 000 человек, рассредоточенных вдоль всей границы от Каспийского моря вдоль Черного и Балтийского до Белого моря.

С начала войны против Турции на южной границе империи были последовательно введены в действие против союзников следующие войска:

1. 3-й, 4-й и 5-й линейные корпуса с частью своих резервов, большинство которых, однако, еще находится в пути.
2. Все три Кавказских корпуса.
3. Две дивизии (две трети) 1-го линейного корпуса, без резервов.
4. Часть 3-го кавалерийского корпуса (драгуны) в Крыму.

Это дает итог в 240 000 человек *перед началом* кампании, но теперь это число сократилось во всяком случае до 184 000 человек; из них можно считать 84 000 на бессарабскую армию, 54 000 находятся в Крыму или направляются туда, и 46 000 на Кавказе.

На Балтийском море к концу августа имелось:

В Финляндии, резервы

6-го корпуса.....16 800 чел.

Финский корпус.....12 000 »

Гвардия и ее резервы.....66 800 »

Часть гренадерского корпуса

в Ревеле.....10 000 »

Всего.....105 600 чел.

В Польше находились или направлялись туда:

Остальная часть гренадеров

и их резервы.....55 000 чел.

1-й и 2-й корпуса и их резервы.....120 000 »

Казаки и кавалерия

различных корпусов.....30 000 »

Различные резервы.....25 000 »

Всего.....230 000 чел.

Складывая все эти итоги, мы получаем приблизительно 575 000 человек, что вместе с Оренбургским корпусом (и в Астрахани), резервным кавалерийским корпусом и отрядами, находящимися на Белом море и в других местах, и дает в целом общий итог, указанный выше. Из войск, стоявших в Польше, около 30 000 находилось на марше, приблизительно 20 000 составляли гарнизон Варшавы, около 100 000 занимали правый берег Вислы в бывшем Царство Польском и около 80 000 оставались в качестве резерва на Волыни и в Подолии, на Буге и Днестре. Таким образом, главные силы русской армии, в том числе и щегольские гвардейские и гренадерские полки, были сконцентрированы на линии Петербург – Хотин, то есть вдоль западных границ империи. Но и при этом показалось, что части стоят не на самых важных позициях. Гренадеры, которых сменила одна гвардейская дивизия, покинули Ревель и отправились в Польшу вместе с остальными двумя гвардейскими дивизиями; последние имели в своем составе по четыре батальона в полку, причем в Петербурге оставались только 5-е и 6-е батальоны. Таким образом, армия на западе уже стала насчитывать свыше 270 000 человек, и на соединение с ней идут три резервных кавалерийских корпуса, *которые еще совсем не участвовали в действиях*; это доведет Западную армию до 300 000 человек.

Сейчас расположение войск изменилось. 100 000 человек, занимавшие юго-восточную часть Царства Польского, перешли Вислу и заняли позиции вдоль австрийской границы. 80 000 человек, стоявшие на Волыни, направлены в Польшу и образуют непрерывную линию войск вдоль этой границы. Гвардия, гренадеры, – и возможно также кавалерийские корпуса, по мере прибытия, – занимают центральную позицию в тылу. На зиму можно временно высвободить дополнительные войска за счет замерзающего Балтийского моря. К маю новый

набор, из которого формируются 7-е и 8-е, или новые, батальоны для различных полков, всего 192 батальона (от 130 000 до 140 000 человек), уже будет достаточно обучен, чтобы занять их место.

Итак, ясно, что Николая довольно мало волнует то, что происходит на юге его империи, поскольку он смог сосредоточить 300 000 человек на великолепной стратегической позиции в Польше. И это действительно великолепная позиция. Как клин она врезается между Пруссией и Австрией, охватывает их с флангов, тогда как сама прикрыта наилучшими из средств сопротивления, какие может создать военное искусство в сочетании с природой. Наполеон хорошо знал военное значение территории, охваченной Вислой и ее притоками. В кампании 1807 г. он сделал ее своей операционной базой, пока не взял Данцига. Но он все время не уделял внимания ее укреплению и дорого поплатился за это при отступлении 1812 года. Русские, в особенности после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Ново-Георгиевск), Варшава, Иван-город, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая, по сочетанию своих стратегических возможностей, является единственной в мире. Благодаря этой системе разбитая армия может оказывать сопротивление вдвое более сильному противнику, если она обеспечена продовольствием, а перерезать коммуникации целой страны – это задача, которой никто еще не пытался разрешить. Вся эта сложная система крепостей, говорит немецкий военный писатель, знающий эту страну, свидетельствует скорее о наступательных, чем оборонительных намерениях. Она создана не столько для обороны территории, на которой стоит, сколько как база для наступательных операций в западном направлении.

И все же есть люди, которые верят, что Николай запросит мира, если Севастополь возьмут! Но Россия еще не пустила в ход и трети своих козырей, и временная утрата Севастополя и флота едва ли будет ощутима для этого колосса, для которого и Севастополь, и флот – безделушки. Россия отлично знает, что решающий для нее театр военных действий лежит не вдоль морских берегов, в районах, доступных для высадки вражеских войск, а, напротив, в глубине материка, где можно осуществлять концентрированные действия больших армейских масс, не распыляя своих сил в бесплодной береговой обороне против всегда готового скрыться неприятеля. Россия может потерять Крым, Кавказ, Финляндию, С.-Петербург и другие окраинные территории, но пока ее тело, сердце которого – Москва, а правая рука – укрепленная Польша, не тронута, она может не уступать ни на йоту.

Главные военные действия 1854 года являются, можно сказать, лишь маленькой прелюдией к битвам народов, которые будут отмечены в летописях 1855 года. Когда на сцену выступят главная русская Западная армия и австрийская армия, друг ли против друга или совместно, только тогда мы увидим настоящую войну в большом масштабе, нечто похожее на большие войны Наполеона. И, может быть, эти битвы явятся только прелюдией для других, еще более жарких, еще более решающих боев, – боев европейских народных масс против сейчас победоносных и чувствующих себя прочно европейских деспотов.

Написано Ф. Энгельсом 16 октября 1854 г.

Опубликовано в газете New York Daily Tribune № 4223

31 октября 1854 г. в качестве передовой.

Осада Севастополя

Главным достижением союзников в Крыму, после сражения на Альме, был знаменитый фланговый марш лорда Раглана из Альмы на Балаклаву; этим маршем очевидная задача кампании – захват и оккупация Севастополя – оказалась сведенной к осуществлению *coup de main*¹ против одной части, – и к тому же наиболее слабой части, – русских укреплений; правда, операция предполагает разрушение русского флота, верфей и арсеналов, но предусматривает необходимость отступления союзных войск, как только это будет выполнено. Что дело обстояло именно так, показывает вся операция. Это был отказ от атаки на северный фронт крепости, который является командующим и единственным, где атака может иметь решающее значение; это было, следовательно, открытое признание экспедиционными войсками своей неспособности выполнить то, что было записано в их плане – окончательный захват и оккупация Севастополя. Между тем, как мы писали, именно этот марш превозносится в бесконечных столбцах, наполненных пышными фразами и невразумительной риторикой, как особенно блестящее проявление искусства военного руководства; даже большие лондонские газеты, имеющие своих корреспондентов на местах, открыли истину лишь через месяц, по-видимому, после того, как получили нарек от правительства. Так, у лондонской газеты «Times» лишь 28 октября открылись глаза на действительное положение, и она осторожно намекает, что до сих пор разрешена, видимо, лишь меньшая часть задачи всей кампании и что форты на северной стороне бухты, если они добровольно не сдадутся, едва ли смогут быть взяты. «Times», конечно, надеется, что они поведут себя прилично и сдадутся, поскольку все зависимые укрепления должны сдаваться, когда бывает взята главная часть крепости. На деле же не Северный форт зависит от города Севастополя, а наоборот, Севастополь зависит от Северного форта, и мы очень опасаемся, что одних соображений нашего собрата окажется недостаточно, чтобы взять такую сильную крепость.

Во всяком случае, со времени «славного марша», о котором идет речь, союзники не сделали ничего, чем можно было бы сколько-нибудь похвалиться, и мы не можем поэтому упрекать наших английских собратьев в том, что они так раздувают этот марш. Что касается истории самой осады, то она пока что относится к темам, о которых они, вероятно, сами предпочитают говорить возможно меньше. Но поскольку мы прежде всего обязаны быть беспристрастными, то не будем проявлять такой деликатности. Факт тот, что в этой и без того странной войне данная осада является одним из наиболее странных моментов. Характерной чертой этой войны, по-видимому, является уверенность в том, что полевые укрепления взять невозможно. Начать с того, что в Одессе в течение нескольких часов применяли старомодный метод обстрела из орудий и после этого тщетно пытались взять укрепления штурмом. В Калафате русские даже не решились пойти в атаку. В Силистрии простое

¹ Внезапного удара (*фр.*).

земляное укрепление выдержало главный удар нападавших и, когда его уже почти сравнивали с землей, продолжало противостоять яростному натиску неприятеля. Наконец, теперь, в Севастополе, простая линия полевых укреплений удостоилась чести видеть перед собой многочисленные брешь-батареи и значительно больше тяжелых орудий, чем когда-либо было выдвинуто против самой совершенной крепости. Эта осада является поразительным доказательством того факта, что в области военного дела, в той мере, в какой за длительный период мира благодаря промышленному прогрессу улучшилась *материальная часть*, в той же мере деградировало *искусство* воевать. Если бы Наполеон увидел батареи перед Севастополем, ошетилившиеся восьми- и десятидюймовыми орудиями, он бы, наверное, расхохотался. Но это еще далеко не все.

Союзники заняли свои позиции около 1 октября, но траншею начали рыть только 8 или 9 октября и до 17 октября не было сделано ни одного выстрела. Причина этого промедления та, что орудия не могли быть ранее доставлены на место. Нужно было преодолеть всего четыре или пять миль расстояния по хорошему твердому грунту с незначительными волнообразными возвышенностями, частью по проложенной сносной дороге. Но не было упряжных животных. Не было упряжных животных в Крыму – в краю, где больше скота, чем где бы то ни было! В Байдарской долине, с вершины Черной, можно увидеть больше волов, чем понадобилось бы для того, чтобы перетащить через горы весь союзный флот. Но Байдарская долина открыта для казаков, и союзная кавалерия, совершая налет, могла бы столкнуться с этими грозными противниками. Кроме того, союзники должны сохранять хорошие отношения с местными жителями и не посягать на их собственность. Такими отговорками английские газеты пытаются избавиться от необходимости признать ту правду, что Раглан и Канробер, блокировав Севастополь с юга, сами оказались блокированными боевым охранением Меншикова на Черной. Дело обстоит именно так, и это подтверждается хотя бы тем фактом, что союзные войска, но всем сообщениям вплоть до самых последних, вынуждены питаться солониной, так как у них нет возможности достать свежее мясо.

3 октября пять русских батальонов перешли у Инкермана Черную, и им позволили войти в крепость с юга, «так как для союзников это могло быть только выгодно». Какой оригинальный способ ведения войны! Враг, о котором нам сообщают, что он разбит, деморализован, уничтожен, посылает 3 000 человек в Севастополь под самым носом союзников. Были же у него какие-то основания это сделать? Но если враг имел свои основания, чтобы послать их в крепость, то и Раглан имел свои основания, чтобы с поклоном пропустить их туда. Он считал, что город переполнен; на каком основании – это остается неясным. Во всяком случае, кроме четырех квадратных миль внутри русских линий имеется еще весь северный берег и вся лежащая позади него местность, куда в течение десяти минут можно направить любой излишек войск. Называть переполненным город, который блокирован только с одной стороны, это во всяком случае – верх бессмыслицы.

Когда впервые было сообщено о высадке, мы предсказывали, что эпидемии будут худшим врагом союзников, если кампания затянется. И вот эпидемия свирепствует в своей худшей форме и усугубляется, по крайней мере, поскольку речь идет о британцах, из рук вон плохо поставленным обслуживанием. Действительно, о больных по этой причине так мало заботятся, что лорд Раглан был вынужден сделать медицинскому персоналу энергичное внушение. Но и этого мало. Врачи находятся в Константинополе, запасы медикаментов в Варне, а больные в Балаклаве. Разве это не великолепная иллюстрация к новой военной доктрине, недавно изложенной Луи Бонапартом в Булони, согласно которой каждая армия, для того чтобы занимать хорошую позицию, должна находиться в треугольнике? По мере того как время года становится более суровым, заболевания усиливаются, полки тают, – британский полк, насчитывавший при отправке 1 000 человек, может теперь выставить не более 600 боеспособных солдат, – а операции продолжают все таким же медленным темпом. Рутинное верховное командование – плод сорокалетнего обучения в мирных условиях – не может быть поколеблена такими мелочами. Пусть погибнет армия, лишь бы Севастополь был взят согласно уставу ее величества!

При обычных осадах осаждающие всегда стремятся придвинуть свои передовые батареи возможно ближе к вражеским укреплениям, и шестьсот или семьсот ярдов считаются уже большим расстоянием. Но при большой осаде, как эта, тем более, если она направлена преимущественно против простых полевых укреплений, должно действовать, по Раглану, противоположным образом. Враг позволяет нам подойти на семьсот ярдов, но мы никогда не должны делать того, что желает враг. Так говорит Раглан, и он ставит свои батареи на расстоянии 2 500–3 000 ярдов, – факт, который мы сочли бы невероятным, если бы сводки в этом отношении оставляли место хоть для малейшего сомнения. Затем он подходит на 1 500–1 200 ярдов, и на вопрос, почему он не открывает огня, он, наконец, заявляет, что брешь-батареи, чтобы вести эффективный огонь, должны находиться на расстоянии 300 или 400 ярдов от тех укреплений, в которых должны пробить бреши! В отдаленных батареях обязательно имеются ланкастеры и дальнобойные десятидюймовые орудия, так как британские артиллеристы, по-видимому, придерживаются того мнения, что эти орудия, как телескопы, годны к употреблению лишь на большом расстоянии. Действительно, вопрос о стрельбе на дальние дистанции, вполне уместный в отношении морских орудий, в применении к сухопутной артиллерии внес больше путаницы и беспорядка, чем принес пользы; примером могут служить эти смехотворные батареи.

Обращенные к суше укрепления Севастополя, вызвавшие все эти гениальные и хитроумные маневры, состоят из следующих сооружений: на западной стороне (против которой ведут атаку французы) выдвигаются один или два фаса Карантинного форта. Позади него находится стена с бойницами, которая тянется до конца Карантинной бухты и заканчивается на холме круглой башней, которая служит внутренним опорным пунктом для земляных укреплений, возведенных вокруг нее. Отсюда до верхнего конца гавани проведена стена приблизительно в три фута толщины, охватывающая, таким образом, Севастополь с юго-запада. Эта стена, говорят, вовсе непригодна для обороны, хотя ее легко можно было бы привести в порядок; она поэтому защищена небольшими, расположенными впереди ее земляными укреплениями. От конца гавани на восток до Корабельной бухты (фронт британского наступления) вообще нет каких-либо регулярных оборонительных средств, если не считать двух башен, окруженных и защищенных люнетами, наподобие той, которая описана выше. Кроме того, здесь есть несколько земляных укреплений неправильной формы, и все это образует защищенный лагерь

без особых претензий, если верить сделанным на месте эскизам, опубликованным капитаном Биддалфом. Во всяком случае, на эскизах нанесена только одна оборонительная линия, состоящая из сооружений, открытых с тыла; здесь не видно закрытых редутов, которые русские вообще очень любят. Но трудно поверить, чтобы все было именно так. Если бы действительно нужно было взять только одну эту линию, англичане давно должны были это сделать штыковым боем. Надо думать, что позади имеется вторая линия редутов.

Все русские укрепления вооружены тяжелыми морскими орудиями; это лучшее применение, какое русские могли им дать. Но стреляют они из них из рук вон плохо. Целыми днями и ночами русские палат из этих орудий по неприятелю, и из ста снарядов попадает в цель один. Возможно, что именно эта плохая стрельба побудила лорда Раглана открыть свои траншеи на безопасном расстоянии в 3 000 ярдов. После трехдневной бомбардировки, проведенной флотом и армиями союзников, сообщают, что англичане пробili со своей стороны одну брешь; французам с их стороны еще не удалось это сделать. Как только они пробьют брешь, должен начаться штурм. Что при 200 орудиях такого огромного калибра понадобится три или четыре дня, чтобы сломить сопротивление этих оборонительных сооружений, показалось бы невероятным, если бы мы не знали из достоверного источника, на каком почтительном расстоянии были поставлены батареи союзников.

Вот все, что мы можем сообщить о достигнутых до сих пор результатах; чем бы ни увенчались эти операции, можно сказать с достоверностью, что осада Севастополя останется единственной в своем роде в военной истории.

Написано Ф. Энгельсом 30 октября 1854 г.

Опубликовано в газете New York Daily Tribune № 4236 16 ноября 1854 г. в качестве передовой.

Кампания в Крыму

Наши читатели несомненно будут поражены тем новым настроением, которым пронизаны сообщения с крымского театра военных действий, доставленные вчера пароходом «Балтии» и публикуемые сегодня на наших столбцах. До сих пор комментарии британской прессы и отчеты британских и французских корреспондентов о ходе и перспективах войны отличались высокомерием и надменной самоуверенностью. Теперь в них сквозит чувство тревоги и даже смятение. Теперь все признают, что такого превосходства союзных армий над их противниками, какое ранее провозглашалось, не существует. Севастополь оказывается сильнее, Меншиков как генерал – более способным, а его армия – гораздо значительнее, чем предполагалось. Вместо верной и решительной победы французам и англичанам теперь возможно предстоит позорное поранение. Это настроение рисует и наш ливерпульский корреспондент, англичанин, склонный ко всем патриотическим увлечениям и предрассудкам своих соотечественников, и это же настроение проявляется в весьма энергичных действиях обоих правительств, французского и английского. Делаются отчаянные усилия, чтобы ускорить переброску подкреплений к Севастополю. Из Соединенного королевства уже отправлены все солдаты до последнего; много пароходов отдано под транспорты. Вперед отправили 50 000 французских солдат, и все это в надежде поспеть на театр военных действий вовремя, чтобы принять участие в последней, решающей битве.

В субботу мы поместили большое количество документов, относившихся главным образом к более ранним стадиям осады и частично успешному, но все же в общем незадачливому сотрудничеству флотов; сегодня мы их дополняем официальными донесениями й кровопролитной атаке Липранди на союзников под Балаклавой и отчетами о дальнейшем ходе боевых действий, которые, надо признаться, все были весьма неблагоприятны для союзников. Тщательное ознакомление с этими документами показывает, что сложившееся положение хотя и затруднительно для союзников и даже вызывает опасения, как мы уже не раз указывали, все же едва ли так тяжело, как это представляется нашему ливерпульскому корреспонденту. Мы не думаем, чтобы им угрожало что-нибудь худшее, чем вынужденное отступление и посадка на корабли. С другой стороны, для них все еще не исключена возможность захватить город в результате отчаянного и кровопролитного штурма. Но как бы то ни было, вопрос, по нашему мнению, должен решиться значительно раньше, чем подкрепления, отправленные из Франции и Англии, смогут прибыть в Крым. Кампания явно подошла к поворотному пункту, в результате уже осуществленных маневров, а также допущенных промахов и оплошностей ее характер определился и исход предрешен. Располагая достоверной и неоспоримой информацией об основных событиях, мы можем теперь сжато и кратко изложить весь ход борьбы.

Теперь установлено, что ко времени высадки союзников у Старого форта под командованием Меншикова в действии находилось всего сорок два батальона и два полка кавалерии, не считая некоторого количества казаков; а гарнизон Севастополя составляли морская пехота, матросы. Эти сорок два батальона принадлежали к 12-й, 16-й и 17-й пехотным дивизиям. Допуская, что каждый батальон, полностью укомплектованный, насчитывал 700 человек, мы получим в общем 29 400 человек пехоты; с 2 000 гусар, с казаками, артиллерией, саперами и минерами это составит армию в 32 000 человек. С такими силами Меншиков не мог помешать высадке союзников, так как иначе подставил бы свои войска, без достаточного резерва, под огонь союзных кораблей. Большая армия, имеющая возможность пожертвовать частью своих сил, может выделить отряды для малой войны, выражающейся в налетах и ночных атаках против высаживающихся частей неприятеля; русские же в данном случае нуждались в каждом солдате для предстоящего генерального сражения. Кроме того, русский пехотинец менее всего пригоден для ведения малой войны; его сила – в действиях колоннами в сомкнутом строю. Что же касается казаков, то им свойственны операции более мелкого масштаба, успех которых обычно выражается в захвате какой-либо добычи. Вместе с тем крымская кампания, по-видимому, показывает, что превращение казаков в регулярные части, последовательно проводившееся в течение последних тридцати лет, сломило у них дух индивидуальной предприимчивости и настолько подавило их, что они уже не пригодны для иррегулярной службы и еще не приспособились к регулярной службе. Они, кажется, теперь одинаково неспособны и к службе на аванпостах или в отдельных отрядах, и к атаке неприятеля в строю. Русские поэтому правильно делали, что приберегали каждую саблю и каждый штык для сражения на Альме.

На берегах этой реки 32 000 русских были атакованы 55 000 союзников. Соотношение сил было почти один к двум. Когда было введено в действие почти 30 000 союзников, Меншиков дал приказ об отступлении. Русских к тому времени было занято не более 20 000. Дальнейшие попытки удержать за собой позиции потребовали бы введения в действие всех русских резервов и превратили бы русское отступление в разгром. Когда выяснилось, что успех союзников, при их огромном численном превосходстве, предreshен, Меншиков прекратил сражение, прикрыв свое отступление резервами и, справившись с первым замешательством, вызванным на его левом фланге обходным движением Боске, «в полном порядке» оставил поле сражения, никем не преследуемый и не тревожимый. Союзники говорят, что у них не было кавалерии для преследования; но учитывая, что у русских было всего-навсего два полка гусар, – во всяком случае меньше, чем у союзников, – надо признать это. оправдание не убедительным. Как и при Цорндорфе, Эйлау, Бородине, русская пехота, хотя и разбитая, оправдала характеристику, данную ей генералом Каткартом, который командовал против нее дивизией и объявил ее «не способной к панике».

Но если русская пехота сохранила присутствие духа и спокойствие, сам Меншиков был в полной панике. Большая численность союзников в сочетании с неожиданной решительностью и стремительностью в атаке на время расстроили его планы. Он оставил мысль об отступлении в глубь Крыма и двинулся к югу от Севастополя, рассчитывая удержать рубеж Черной речки. Это было крупной и непростительной ошибкой. Обозревая с высот Альмы все позиции союзников, он имел полную возможность определить силу своих противников с точностью до 5 000 человек. Он должен был знать, что, несмотря на свое относительное численное превосходство, союзники не были достаточно сильны, чтобы оставить войска для наблюдения за Севастополем и одновременно последовать за ним вглубь Крыма. Он должен был знать, что если соотношение его сил и союзников было один к двум на морском побережье, то у Симферополя он мог бы выставить против них войско, превосходящее их вдвое. И все же, согласно его собственному признанию, он двинулся к южной стороне Севастополя. Но совершив этот отход без малейшего препятствия со стороны союзников и дав своей армии передохнуть день-два на холмах за Черной речкой, Меншиков решил исправить свою ошибку. Сделал он это путем рискованного флангового марша от Черной к Бахчисараю. Это противоречило одному из основных правил стратегии, но сулило значительные результаты. Раз уж в стратегии допущен промах, редко удается избежать его последствий. Вопрос при этом заключается лишь в том, что выгоднее – терпеть эти последствия до конца или попытаться избежать их посредством второго, но уже сознательно предпринятого неправильного движения. Мы думаем, что в данном случае Меншиков был совершенно прав, отважившись на фланговый марш в пределах, досягаемости противника, чтобы покончить с нелепо «сосредоточенным» вокруг Севастополя расположением.

Но благодаря усилиям посредственных стратегов и скованных рутиной генералов передвижения обеих враждующих армий приняли формы, невиданные до сих пор в военной практике. Пристрастие к фланговым маршам, подобно эпидемии холеры, охватило оба лагеря. В то самое время, когда Меншиков решил предпринять фланговый марш от Севастополя к Бахчисараю, Сент-Арно и Раглан надумали двинуться от Катхи к Балаклаве. Русский арьергард и британский авангард встретились у Мекензиева хутора (но имени шотландца, ставшего впоследствии адмиралом русской службы), и, что в порядке вещей, авангард разбил арьергард. Поскольку мы уже подвергли в «Tribune» критическому разбору с точки зрения стратегической фланговый марш союзников, нам нет надобности теперь возвращаться к нему.

2 или 3 октября Севастополь был обложен, и союзники заняли те самые позиции, которые только что оставил Меншиков. С этого момента началась знаменитая осада Севастополя, а вместе с ней и новый этап кампании. До этого момента союзники, при их неоспоримом превосходстве, могли делать, что хотели. Их флоты, господствуя на море, обеспечили их высадку. После высадки их численное превосходство и несомненно также более высокие боевые качества обеспечили им победу на Альме. Но теперь начало устанавливаться то равновесие сил, которое рано или поздно неизбежно устанавливается, когда армия действует в отрыве от своей базы в неприязненной стране. Правда, армия Меншикова все еще не обнаруживала себя, но ее существование делало необходимым расположение резерва на Черной фронтом на восток. Таким образом, собственно осаждающая армия оказалась значительно ослабленной и лишь не намного превосходящей по численности севастопольский гарнизон.

Недостаток энергии, отсутствие системы, особенно по части взаимодействия различных ведомств, ведающих британскими сухопутными и морскими силами, затруднения, обусловленные характером местности, а главное, непреодолимый дух рутины, присущий, как видно, британскому военному ведомству во всех его звеньях, как хозяйственных, так и оперативных, задержали начало действительных осадных операций до 9 октября. В этот день были, наконец, заложены траншеи на огромном расстоянии, в 1 500–2 500 ярдов от русских укреплений. Этот факт, невиданный и неслыханный в истории осадных операций, доказывает, что русские еще могли отстаивать местность вокруг крепости на расстоянии, по крайней мере, одной мили: и они действительно удерживали ее за собой до 17 октября. К утру этого дня осадные работы были достаточно продвинуты, чтобы позволить союзникам открыть огонь. Скорее всего, это было бы отложено еще на несколько дней, так как союзники в тот день отнюдь не были готовы вести огонь, но их подтолкнуло полученное из Англии и Франции известие о всеобщем ликовании по поводу предстоящего 25 октября взятия Севастополя. Это известие, разумеется, раззадорило войска, и, чтобы успокоить их, пришлось открыть огонь. 13 результате получилось, что союзники выставили 126 орудий против 200 или 250. Но великая аксиома Вобана, к которой англичане и французы снова и снова обращаются для успокоения общественного мнения, гласит: «Осада – это операция, успех которой может быть рассчитан с математической точностью и является только вопросом времени, если она не нарушается извне».

Эта великая аксиома основана на другой аксиоме того же инженера, что «при осаде огонь нападения может быть доведен до превосходства над огнем обороны».

Здесь же, у Севастополя, имело место как раз обратное: огонь нападения, когда его открыли, решительно уступал огню обороны. Последствия не замедлили сказаться: русские за несколько часов заставили замолчать огонь французских батарей и в течение всего дня вели почти равный бой с английскими батареями. Чтобы отвлечь внимание русских, была предпринята морская атака. Но она пелась не лучше и была не более успешной. Француз-

ские корабли, атаковав Карантинный и Александровский форты, поддерживали сухопутную атаку этих фортов; без этой поддержки французы несомненно встретили бы гораздо более суровый прием. Английские корабли атаковали северную часть порта, в том числе Константиновский форт и Телеграфную батарею, а также временную батарею, воздвигнутую к северо-востоку от Константиновского форта. Адмирал Дандас, человек осторожный, дал приказ своим кораблям бросить якорь на расстоянии 1 200 ярдов от фортов, — он явно является приверженцем стрельбы на дальние дистанции. Но уже давно установлено, что в сражении между кораблями и береговыми батареями корабли терпят поражение, если они не могут подойти на расстояние 200 ярдов и менее от батарей, так чтобы их огонь наверняка попадал в цель и производил наибольший эффект. Итак, Дандас подставил свои корабли под сокрушительный огонь; он потерпел бы изрядное поражение, если бы на помощь ему не пришел сэр Эдмунд Лайонс, который, по-видимому, чуть ли не в нарушение приказа, приблизился, насколько было возможно, с тремя линейными кораблями к Константиновскому форту и причинил ему некоторые повреждения, понеся, в свою очередь, урон от него. Поскольку донесения британского и французского адмиралов до сих пор ни словом не обмолвились о фактических повреждениях, нанесенных фортам, приходится заключить, что и здесь, как и в Бомарсунде, береговые укрепления по Моиталамберу — форты и казематированные батареи — смогли выдержать бой против вдвое превосходящего числа орудий на кораблях. Это тем более замечательно, что, как теперь уже довольно достоверно известно и отчасти уже было показано в Бомарсунде, открытая каменная кладка этих фортов не может выдержать двадцатичетырехчасовой огонь на разрушение тяжелых судовых орудий, установленных на берегу.

После этого эпизода французы почти совершенно замолкли на несколько дней. Англичане, батареи которых находились на большем расстоянии от русских линий и располагали более крупными калибрами, чем их союзники, смогли поддерживать огонь и заставить замолчать орудия верхнего яруса одного из каменных редутов. Морская атака не возобновлялась, — факт, лучше всего доказывающий уважение, которое внушили к себе казематированные форты. Защита русских сильно отрезвила победителей в сражении на Альме. На место каждого выведенного из строя орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанавливалась за ночь. В отношении земляных работ положение у обеих сторон было почти равным, пока союзники не приняли мер к тому, чтобы добиться превосходства. Смехотворный приказ лорда Раглана «щадить город» был отменен, и началась бомбардировка, которая своим сосредоточенным действием на скопившиеся массы войск и своим изматывающим характером, по-видимому, нанесла большой урон гарнизону. Кроме того, впереди батарей были посланы стрелки, чтобы, используя любое прикрытие, брать на прицел русских канониров. Как и в Бомарсунде, винтовки Минье хорошо работали, за несколько дней тяжелые орудия и эти винтовки вывели из строя большую часть русских артиллеристов. Та же судьба постигла флотских моряков, ту часть гарнизона, которая была наиболее обучена обращению с тяжелыми орудиями. Пришлось прибегнуть к обычному средству осажденных гарнизонов: пехота была поставлена на обслуживание орудий под наблюдением оставшихся артиллеристов. Но их огонь, как легко себе представить, не давал почти никакого эффекта, и осаждающие получали, таким образом, возможность продвигать свои траншеи все ближе и ближе к крепости. Как сообщают, они заложили третью параллель на расстоянии 300 ярдов от внешних укреплений. Нам пока неизвестно, какие батареи установлены в этой третьей параллели; можно только констатировать, что в правильных осадах *третья* параллель всегда проводится у подножия гласиса атакуемых укреплений, то есть на расстоянии около 50 или 60 ярдов от рва. Если эта дистанция была увеличена перед Севастополем, мы можем лишь усмотреть в этом подтверждение мнения некоторых британских газет, гласящего, что неправильность линий защиты, вместо того, чтобы дать британским инженерам простор в применении их изобретательных способностей, лишь сбивала с толку этих джентльменов, которые умеют по всем правилам искусства сломить фронт регулярных бастионов, но ужасно теряются каждый раз, как неприятель отступает от принципов, предписанных признанными в данном вопросе авторитетами.

Раз было принято решение произвести атаку с южной стороны, надо было направить параллель и ее батареи на один или, в крайнем случае, на два точно определенных фронта обороны. Надо было атаковать сосредоточенными силами два — в самом крайнем случае три — рядом стоящих внешних форта; если бы удалось их разрушить, все остальные наружные укрепления стали бы бесполезными. Таким путем союзники, сосредоточив действие всей своей артиллерии на одном пункте, сразу легко могли добиться сильного огневого превосходства и значительно сократили бы продолжительность осады. Насколько можно судить по планам и картам, фронт, идущий от Карантинного форта до самого кончика внутренней бухты, то есть фронт, против которого французы теперь направляют свои усилия, был бы наиболее подходящим для наступления, так как разрушение его совершенно обнажило бы самый город. Сто тридцать орудий, имеющихся у союзников, сразу могли бы обеспечить им превосходство огня на этом ограниченном участке. Вместо этого желание предоставить возможность каждой армии действовать независимо от другой привело к такому, не имеющему прецедента способу осады, при котором весь вал, длиной свыше трех миль, одновременно подвергался обстрелу на всем его протяжении. Такой способ атаки — нечто невиданное и неслыханное. Ведь он дает возможность обороне одновременно ввести в действие, в обычных бастионных укреплениях и люнетах, всю имеющуюся там массу в двести пятьдесят орудий. Ведь один бастионный фронт едва ли может вместить более двадцати орудий, и при обычной осаде участвовать в обороне могут не более трех или четырех фронтов. Может быть, союзные инженеры в дальнейшем смогут привести весьма веские доводы в пользу своего странного образа действий; но пока что мы должны сделать вывод, что они были не в состоянии обнаружить наиболее слабые пункты обороны и, чтобы не пропустить их, открыли огонь по всей линии.

Тем временем к обеим сторонам подошли подкрепления. Стремительные и частично успешные атаки Липранди на аванпосты союзников показывают, что у русских имеются в наличии более крупные силы, чем те, с которыми Меншиков отошел к Бахчисараю. До сих пор, однако, они еще не достаточно сильны для победоносно сражения. Принимая во внимание успехи, достигнутые осаждающими, принимал по внимание, что урон, наносимый обороне, возрастает в геометрической прогрессии по мере приближения осаждающих к валу, принимая во внимание, что внешние укрепления все еще держатся, но внутренняя стена, по-видимому, слаба, — решительного

исхода можно ожидать между 9 и 15 ноября: либо южная сторона города падет, либо же союзники потерпят решительное поражение и будут вынуждены снять осаду. Но следует иметь в виду, что подобные предсказания всегда зависят от обстоятельств, которые не могут быть вполне учтены на таком расстоянии от места действия.

Написано Ф. Энгельсом 9 ноября 1854 г.

Опубликовано в газете New York Daily Tribune № 4246
27 ноября 1854 г. в качестве передовой.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Энгельс, Ф. Военные силы России. Осада Севастополя. Кампания в Крыму / Ф. Энгельс // Пространство и Время. — 2014. — № 3(17). — С. 165—172. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provst3-17.2014.63